

№ 221. Четвергъ, 25 сентября 1914 года

Второй годъ изданія

№ 221. Четвергъ, 25 сентября 1914 года

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой город-
скимъ и многогороднымъ подписчикамъ:

12 мѣсяцевъ . . .	9 р. — к.	6 мѣсяцевъ . . .	5 р. — к.
11 " . . .	8 р. 50 к.	5 " . . .	4 р. 25 к.
10 " . . .	8 р. — к.	4 " . . .	3 р. 50 к.
9 " . . .	7 р. 25 к.	3 " . . .	2 р. 75 к.
8 " . . .	6 р. 50 к.	2 " . . .	2 р. — к.
7 " . . .	6 р. 75 к.	1 " . . .	1 р. — к.

Во-вторыхъ къ подписной цѣнѣ прибавляется 1 р. въ мѣс.

За перемѣну адреса 25 коп.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА; въ 2 срока:—5 р. и къ
1-му июня 4 р.; въ 3 срока:—4 р.; къ 1 мая 3 р., и къ
1-му сентября 2 р.; въ 4 срока:—3 р., къ 1 мая 3 р.,
къ 1-му сентября 2 р. и къ 1 декабря 1 р.

ПОДПИСКА принимается только съ 1 числа кажд. мѣс.
КОНТОРА помещается въ Ростовѣ-на-Дону, по Н.-Садо-
вой улицѣ, № 14, домъ Д. Ф. Мамыкина.

КОНТОРА открыта отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч.

Телефонъ Главной Конторы № 88—73.

Въ розничной продажѣ № газеты—5 коп.

УТРО

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

РЕДАКЦИЯ помещается въ Ростовѣ-на-Дону, Н.-Садовой
улицѣ, дома № 14, Д. Ф. Мамыкина.

Телефонъ редакціи 38-73. Тел. для объявленій 23-44.

Редакция для личнаго объявленій открыта отъ 12 до
3-хъ час. дня.

Непринятые рукописи редакціей не возвращаются.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ

Впередъ текста 20 коп. со строки полнораз-
мѣрнаго текста, заглавья и слог. повода текста 10 коп.
со строки полноразмѣрнаго или заглавьяго со строки.

Въ иллюстрированныхъ объявленіяхъ стоимость сообще-
ній—по особому соглашенію съ Главной Конторой.

Объявленія для газетъ „Утро Юга“ и „Донской обл.“
и „Кавказъ“ принимаются въ конторѣ „Д. и З. Митро-
ва“ въ Ростовѣ-на-Дону, Садовой улицѣ, № 14, Д. Ф. Мамыкина.
Литва, М. Д. Турбинера, Москва 4-ая, Греческая
улицы 29, С. С. Сабоскина, С.-Петербурга. Д. Гусакъ
44, по текстѣ: впередъ текста по 20 к., а повода текста
15 коп. за строку, заглавьяго строкой полноразмѣрно.

Лавро-вишневый садъ.

(Австро-чеховская элегія).

— Австрійцы снова безрезультатно бомбардировали Бѣлградъ.

(Дежурная телеграмма).

Опустѣвшая квартира австрійскаго штаба у Бѣлграда. На столѣ пыльная генеральная карта бѣлградскаго района. Въ нее вколоты выцвѣтшіе австрійскіе и сербскіе флажки. Ихъ такъ давно не передвигали, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ висятъ, прильпившись хоботкомъ, дохлыя осеннія мухи съ распухшими полосатыми брюшками... Слышно, какъ гдѣ-то вдали дѣловито и бодро рубятъ австрійскіе лавры.

Когда-то эта главная квартира была полна сановитыми веселыми генералами, съ такими высокими плечами, съ такими пушистыми бакенбардами. — Отъ двухъ бортовъ въ лузу этого серба! — ежеминутно раскатисто гремѣла здѣсь любимая поговорка. Богато и безалаберно жили. На телеграммы тратились, не считаясь со средствами. Чихнуть безъ телеграммы не могли. Сейчас телеграфируютъ въ Вѣну: «Мы побѣдоносно чихнули!»

Вѣна расцвѣтаетъ флагами и старый императоръ шлетъ отвѣтную телеграмму: «на здоровье!»

Весело жили. А потомъ вдругъ---двадцать два несчастья.

— Не знаю, жить мнѣ или застрѣлиться, я на всякій случай пошу съ собой пистолетъ, — сталъ говорить генералъ, пообѣщавшій обѣдать въ Бѣлградѣ.

И вотъ, стало пусто и безмолвно въ главной квартирѣ.

Только вдали стучать топоры: рубятъ старый лавровый садъ габсбургской монархіи.

На сцену выходитъ сморщенный старичекъ со штабными аксельбантами на плечѣ. Зябко засунуть, какъ въ муфту, руки въ рукава.

— Ушли,---бормочетъ онъ,---ушли, а генерала забыли... Эхъ, я, недотепа, остался...

Онъ обходитъ комнаты и заглядываетъ въ углы и подъ столы: все ли съ собой захватили? Тутъ, вѣдь, того и гляди, сербы приберутъ.

Генералъ-то Гетцендорфъ, поди, и палитъ тамъ потернеть на галицкомъ фронтѣ, —

шамкаетъ онъ себѣ подъ носъ,---простудится... молодо---зелено, некому приглядѣть за нимъ. —

Въ раздумьи останавливается у окна:

— Забыли... Пойти, что-ли, пострѣлять! — и уходитъ, прилепывая задками стариковскихъ штиблетъ.

За сценой раздается звукъ, похожій на стонъ лопнувшей струны.

Это начинается новая бомбардировка Бѣлграда.

А сербы? Развѣ дѣловитые хозяйственные сербы могутъ понять трогательную красоту увяданія родовитаго габсбургскаго гнѣзда. Что для нихъ эта забытая подъ Бѣлградомъ, поэтически «запущенная» пушка, «тургеневская» пушка.

Они ставятъ по ней свои часы и обѣдаютъ. Какъ по «адмиралтейской пушкѣ».

— Что-жъ это такое, матушка, — говоритъ какой-нибудь бѣлградецъ своей женѣ:

— Уже стрѣляли, а у тебя еще обѣдъ не готовъ!

— А я не слыхала, — оправдывается жена: — должно быть, сегодня слабо палили!

— Слабо палили! — ехидно передразниваетъ глава семьи: — что-жъ, прикажешь для тебя изъ 40-сантиметровыхъ палить? Подумаешь — велика барыня!

И порохъ бы на такихъ тратить не стоило!

А по вечерамъ матери журятъ дочерей: — говорила я тебѣ, чтобы ты всегда послѣ вечерней бомбардировки дома была, а ты гдѣ пропадала?

— Да сегодня такая коротенькая бомбардировка была, что я и домой не успѣла дойти...

— Такъ, такъ!... Конечно, все австрійцы пинуютъ... Извольте видѣть — новыя австрійскія звѣрства: слишкомъ мало стрѣляютъ австрійцы!

Бѣлградцы довольны своей «адмиралтейской» пушкой. Чего имъ подымать возню и обивать ее съ позиціи? Отъ добра добра не ищутъ. Собыешь ее, анъ, австрійцы, можетъ быть, другое, болѣе расторопное орудіе пришлютъ. Эта же, должно быть, какъ дѣтскіе вы-

долбить въ одно мѣсто. Австрійцы сами знаютъ, что нечего имъ другіе прицѣлы брать—все равно толка никакого не будетъ. Спасибо и на томъ, что хоть стрѣляютъ. У бѣлградцевъ мѣсто, куда ложатся австрійскіе снаряды, навѣрное, огорожено заборчикомъ. У заборчика на шесть доска съ надписью: — свалка австрійскихъ снарядовъ.—

Когда въ одинъ прекрасный день бомбардировки не случится, бѣлградцы встревожатся: —Пока шли бомбардировки, въ Бѣлградѣ все благополучно было, а теперь Богъ знаетъ, что австрійцы надумаютъ!

— А, можетъ быть, пороху у нихъ не хватило,—догадается кто-нибудь.

— Такъ чего-жъ они молчатъ? Такъ бы и сказали! Мы имъ своего бы дали,—не жалко!

И избранные делегаты понесутъ порохъ на австрійскія позиціи.

И выйдетъ къ нимъ заштопанный, отощавшій генералъ, взглянетъ горькимъ взглядомъ униженной гордости и задрожать его губы.

Не побрезгуйте, примите, — подадутъ ему мѣшечки съ порохомъ посланцы.

Понижнетъ головой старый генералъ...—Дожилъ... милостыню подають...

— Спасибо, православные,—отвѣтитъ онъ: —а только я уйду... Горько мнѣ подъ старость чужимъ порохомъ пробавляться, стыдно даромъ васъ обирать... Возьму я свою пушку и пойду, куда глаза глядятъ!

— Оставайся, дѣдушка,—поклонятся ему бѣлградцы:—ты не даромъ: ты у насъ за сторожа останешься. За твоей пушкой мы, что за каменной стѣной. Сиди здѣсь и стучи въ свою колотушку!...

И сдѣлается вѣрный старый Фирсъ габсбургской монархіи—ночнымъ сторожемъ Сербіи.

— «Стукъ-стукъ, стукъ-стукъ!»—Новая бомбардировка Бѣлграда. Значитъ, сербы могутъ спать спокойно.

А. ТАРСАНОВЪ.